В. КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ ЖАВНОГО ШОВИНИЗ

ворит Арсеньев, когда речь заходит о рабочих: здесь представителю интересов буржуазии хочется, конечно, «и невинность соблюсти и капитал приобрести». В самом деле: китайцы—дешевая рабсила, можно подзаработать. Примеров тому из заграничной практики много, но с другой стороны «желательно дать заработать русским переселенцам». «С точки зрения политэкономии — последнее предпочтительнее», — неожиданно заявляет Арсеньев. Что-же делать? «Я полагал-бы, что во всех промышленных предприятиях в крае следует ввести процентную норму как для русских рабочих, так и для китайцев»... «Эта процентная норма со временем совершенно вытеснила бы китайский труд и в то же время дала бы хозяевам возможность бороться с забастовками русских и из их среды брать только трезвых и наиболее работоспособных».

И этого человека, рассматривавшего китайца, как штрейкбрехера, как силу, которая может парализовать забастовки, называли борцом за интересы рабочего класса?!

Что касается четвертой категории, то Арсеньев здесь также за процентную норму.

Заключительный аккорд, написанный в строгом соответствии с духом всей книги, призывает русский империализм к захвату Северной Маньчжурии и построению всей политики в соответствии с этой целью.

«Если Россия на Северную Маньчжурию имеет какие-либо виды, то вопрос этот надо решить теперь же, пока она еще недостаточно заселена китайцами. Надо помнить, что, «приобретая страну, приобретаешь и ее население». «Уссурийский край — будущий театр военных действий и потому все мероприятия правительства должны быть прежде всего направлены на Амур вообще и на Уссурийский край в особенности».

Лицо Арсеньева лицо верного сторонника российского империализма достаточно ясно видно.

Не вот произошла Октябрьская революция. Она многих заставила переменить свои взгляды. Арсеньев принимал непосредственное участие в социалистическом строительстве. Каковы же были его взгляды, по национальному вопросу в 1927-28 г.? Конечно, о Маньчжурии, о китайце, как об'екте колониальной эксплоатации теперь нельзя писать. Даже «святенькие коммунисты» не проглотят но все же...

Ни малейшей попытки, ни малейшего желания овладеть методом диалектического материализма у Арсеньева нет. Национальности рассматриваются вне времени и пространства. Человек, как производительный фактор характеризуется исходя из его нации и расы. Тов. Шабанов в «ДВ партработнике» совершенно правильно характеризует такой метод работы, как безнадежный идеализм. Идеалистическая концепция насквозь пропитывает работы Арсеньева. Исходя из нее Арсеньев делает такие откровения, как «великоросс — человек достаточно подвижной и в то же время (?) оседлый, энергичный и порывистый: у него периоды равнодушия и апатии часто сменяются весьма напряженной деятельностью: переход от мысли к делу чрезвычайно быстрый».

Украинцы Арсеньеву определенно не нравятся.

— «Никто из переселенцев так слепо не придерживается традиции, как украинцы. Они деятельность свою ограничили известными рамками, выйти из пределов которых у них нехватает решимости и воли, даже в тех случаях, когда у них есть свободное время и новые источники дохода под рукой. Вот почему украинцы производят впечатление упрямого и ленивого человека и вот почему при обилии окружающих его известных богатств, он чаще других бывает в нужде».

О белоруссах, приговор короток и безапелляционен: «белоруссы — народ лишенный всякой инициативы».

Говорить здесь о расцвете национальных культур Украины и Белоруссии, говорить об украинцах — ударниках Днепростроя, о белорусских колхозниках — это значит ломиться в открытую дверь. Для каждого пионера известно, что национальные культуры, в условиях пролетарского государства, расцветают. Этого не знал только идеалист Арсеньев, который брал нацию изолированно от исторической и экономической обстановки и трактовал ее, как замкнутый психический фактор.

Про китайцев ученый Арсеньев пишет, что они торгуют, ловят зверей, собирают жень-шень, работают на заводах и т. д., и т. п.

«Что из себя представляют корейцы? —вопрошает Арсеньев. — Одно земледелие ограничивает ум, притупляет его, а кореец ведет свое хозяйство именно в такой форме, которая ставит его мышление в весьма ограниченные рамки. Думать не приходится, надо работать по раз навсегда установленным трафаретам. Язык, здесь, конечно, эзоповский. Ничего не поделаешь, — советская